

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144
УДК 821.161.1

Мемуары Виктора Мозалевского

© 2019, А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме и с подробным комментарием мемуары писателя Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970). Будучи малозаметным, но деятельным участником литературной жизни с середины 1900-х годов, Мозалевский оставил яркие словесные портреты В. Брюсова, Б. Садовского, Ю. Слезкина, С. Ауслендера, Е. Наградской, М. Булгакова и многих других.

Ключевые слова: В. Мозалевский, литературная жизнь, мемуары.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Соболев А.Л.* Мемуары Виктора Мозалевского // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 99–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144

Один из устойчивых мотивов прозы Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970) — существование героя внутри неподходящей ему исторической эпохи в качестве живого анахронизма: таковы граф Константин Волковисский из «Исчезнувшей мечты», насильственно отъединившийся от тревожной обстановки начала XX в., или Митродора, бывшая прилежная читательница «Аполлона», закапсулированная в атмосфере раннесоветской Москвы («Дуэль»). Полтора десятка его опубликованных рассказов (по сути — единственный его вещественный вклад, вобранный мировой словесностью) написаны между 1910 и 1923 гг.; следующие сорок семь лет жизни он провел в роли собственного персонажа, полностью мимикрировав под мелкого клерка и оставаясь писателем только в стенах собственной квартиры.

Набрасывая в конце 1950-х гг. краткую автобиографию, он уместает долитературную часть своей жизни в единственный абзац: «Родился я в 1889 г. в маленьком городке Влоцлавске (Польша), в котором отец мой — врач — служил тогда на военной службе. (По национальности) — русский). В 1907 г. окончил Тифлисскую гимназию, а в 1913 —

юрид[ический] факультет Москов[ского] Университета»¹. Здесь есть вынужденное умолчание: его отец, Иван Викторович, хотя и врач по образованию (он окончил киевскую Военно-медицинскую академию), в действительности был крупным армейским чиновником, генерал-лейтенантом медицинской службы². Служил в Измаиле, после был переведен в Тифлис³, а оттуда на Дальний Восток: состоял главным врачом Заамурского окружного госпиталя и санитарным городским врачом Харбина, каковым и остался после 1917 г. Исследовал ламаизм, переведя с немецкого монографию по истории вопроса⁴; собрал значительную коллекцию восточного искусства, которую продал в Японию в 1926 г.⁵

Семья за ним не последовала. Мать с тремя сыновьями осталась в Тифлисе, а потом, около 1908 г., судя по всему, переехала в Киев: по крайней мере, и Виктор, и его младший брат Иван⁶, будущий художник, учились там — первый в университете, второй в художественном училище.

Весной 1912 г. Виктор отправляет в петербургский «Аполлон» несколько рассказов и стихотворений и получает ответ — вероятно, от С.К. Маковского или Е.А. Зноско-Боровского, — который кажется ему обнадеживающим (все эти письма не сохранились). И тогда он предпринимает следующий, вполне логичный шаг — отправляет письмо уже не на адрес редакции, а тому из авторов журнала, чьи стихи и проза кажутся ему наиболее близкими по духу, — Кузмину:

Милостивый Государь!

Недавно я посылал в редакцию журнала Ἀπόλλων свои рукописи («Утро княжны», «Вивея» и несколько стихотворений), к[ото]рые получил обратно с оговоркой — «они заинтересовали редакцию». Последняя оговорка и Ваш адрес, написанный (и зачеркнутый) на уголке

¹ РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1 (датировано 10 ноября 1957 г.). О биографии Мозалевского см.: *Лавров А.В.* Мозалевский Виктор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М — П. М., 1999. С. 118–119. Очерк творчества см.: *Обухова О.* «Только читать и этому не верить»: Виктор Мозалевский и его проза // *Russian Literature*. 1999. № XLV. P. 457–467.

² См. прежде всего: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2001. С. 209; Российское научное зарубежье. Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. М., 2010. С. 150; *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М., 2016. С. 437.

³ Этот факт, отсутствующий в его официальных биографиях, установлен по: *Кавказский календарь на 1907 год.* Тифлис, 1906. Паг. III. Стлб. 46.

⁴ *Пандер Е.* Пантеон Чжан Чжа Хутухты: Материал для иконографии ламаизма. Вып. 1. Харбин, 1919.

⁵ О его собрании восточных древностей см., напр.: *Огрызко В.* Отечественные исследователи народов севера и Дальнего Востока. М., 2013. С. 43.

⁶ См. о нем: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С. 335–337.

одной рукописи, придает мне смелость написать Вам это письмо и заранее попросить у Вас, Милостивый Государь, извинения за несколько неуместную просьбу.

Вы, вероятно, еще помните (если только читали — ведь это, в конце концов, мое предположение) содержание «Вивееи», «Утро» и т.д., и я обращаюсь с прямым вопросом: как Вам кажется — это вещи вполне незрелые или намек на «произведения», каковы недостатки стиля, содержания, формы etc? Моя просьба, возможно, звучит нескромно, но самокритика вещь невозможная, хочется услышать авторитетный отзыв, руководствоваться этим “*magister dixit*”⁷, а в Киеве, надо сказать, нет *magistr*’ов, заслуживающих доверия.

Моя нескромность идет дальше. Я очень Вас прошу, если мои (я, по возможности, избегаю этого слова) произведения удовлетворительны, дать мне совет, где, кроме Αθήνων, я мог бы поместить их.

Еще раз приношу мои почтительнейшие извинения.

С искренним уважением

Виктор Мозалевский

Киев Александровская д. № 37А, кв. 17⁸.

Кузмин отвечал ему, и это письмо (которое также не сохранилось) явно настроило Мозалевского на оптимистический лад. Впрочем, продолжая переписку, он делает невольный *faux pas*, ошибаясь в отчестве адресата:

Киев 4/IV 12 г.

Многоуважаемый Михаил Александрович [sic!]

Прежде всего, приношу Вам мою искреннюю благодарность за Ваше письмо, которое меня глубоко обрадовало: услышать о своих произведениях такой хороший отзыв одного из самых любимых поэтов, от автора «Александрийских песен», и так рано (мне 22 года) — это ли не радость... Посылаю Вам свои рукописи (кроме «Утра княжны»). Что касается «вольностей», попадающихся в «Вивее» и ч.н. другом, то я, безусловно, доверяю Вашей *magisteria elegantiarum*⁹ и литературному такту. Покорнейше прошу их исключить. Мне стыдно, что я приношу Вам некоторое беспокойство, я глубоко извиняюсь.

С искренним уважением и всегдашней благодарностью

Виктор Мозалевский.

Александровская д. № 37 (а) кв. 17 (до 23 мая)¹⁰.

⁷ Мастер сказал (*букв. лат.*).

⁸ Недатированное письмо: ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 277. Л. 3–4.

⁹ Наставлению в области изящного (*лат.*).

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 1.

Два дня спустя он осознал свою ошибку — и отправил, не дожидаясь ответа, новое письмо с извинениями:

Киев 6/IV 12

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Три дня назад я послал Вам рукописи и письмо, письмо слишком поспешно написанное, а потому несколько безграмотное. Но — что всего неприятнее — я назвал Вас Михаилом Александровичем, а не Михаилом Алексеевичем. Я очень, очень этим расстроен, ибо Вас могла покоробить эта мовэтонная [sic] небрежность.

Объясните это как угодно — некоторой неразумностью, временным затемнением сознания под влиянием Вашего письма — но мне было бы страшно больно, если бы Вы объяснили это именно «мовэтонной небрежностью». Моим маленьким оправданием может служить только одно: слово «Алексеевичем» было написано Вами немного неразборчиво, и я прочел «Александровичем». Теперь я понял ошибку. Всё это на меня неприятно действует и потому, что Ваша фраза — «звуют меня Михаилом Алексеевичем» — меня необыкновенно растрогала. Казалось, что Вы мне протягиваете руку... И в ответ на это — неоправдаваемая, почти абсурдная небрежность. К стыду моему, надо сознаться, что вообще я очень скверно владею т.н. эпистолярной формой, вместо одного письма пишу три и, таким образом, и время у Вас отнимаю.

Приношу Вам мои искренние извинения и прошу простить всю мою бестактную невнимательность.

С искренним уважением

Виктор Мозалевский¹¹.

Названная в предыдущем письме дата предстоящего отъезда из Киева — 23 мая — обозначала окончание целого этапа его жизни: по неизвестным нам причинам он вынужден был, оставив предпоследний курс юридического факультета Киевского университета, перевестись на такой же факультет в Москву (его здешнее личное дело будет заведено 7 июня 1912 г.¹²). Еще два месяца спустя он предпринял то, что в начале 1910-х гг. проделывал едва ли не каждый молодой московский поэт, принадлежащий к определенному направлению, а именно — написал письмо Брюсову, приложив к нему набор своих ювенилий:

¹¹ Письмо от 6 апреля 1912 г.: РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2879. Л. 1–1 об.

¹² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 326. Ед. хр. 1280.

Милостивый Государь!

Прежде всего я глубоко извиняюсь, что отнимаю у Вас время своим письмом и своими рукописями. Я бы никогда не стал посылать своих вещей, если бы о них не отозвался хорошо Михаил Алексеевич Кузмин (я говорю это о «Вивее» и стихах). Вам покажется, видно, очень странным, с какой стати я посылаю их сейчас Вам? Но я не знаю — я нигде не печатался, не имею понятия, куда бы я мог направить свои вещи... И очень бы просил Вас, Милостивый Государь, если Вам будет угодно, а, главное, нетрудно, прочесть их и посоветовать мне, как с ними быть?

Я еще раз почтительно извиняюсь перед Вами, но, может быть, моя молодость и неопытность послужат некоторым основанием для того, чтобы Вы снисходительней отнеслись к просьбе моей.

С уважением Виктор Мозалевский.

Москва Малая Бронная 4 кв. 15¹³.

В печатаемых ниже мемуарах Мозалевский склонен ретроспективно идеализировать случившиеся далее события: согласно его воспоминаниям, Брюсов, хотя сперва и показался ему суровым, впоследствии сделался приветливым и радушным — прочел предложенную рукопись и предложил бывать на литературных «четвергах». В действительности эти отношения наладились не сразу. Сперва Брюсов, изможденный самоотъемом рукописей, поступавших к нему не только как к некоронованному предводителю московских модернистов, но и по служебной линии (он возглавлял тогда литературный отдел «Русской мысли»), принял Мозалевского за искателя протекции в последней и манускрипты отверг, так что начинающему автору пришлось объясняться:

Милостивый Государь Валерий Яковлевич!

Приношу Вам свою благодарность за Ваше письмо. Я хотел было пойти к Вам сегодня, но не хотел беспокоить Вас.

Между прочим, я знал, что мои рассказы не подойдут к «Р[усской] М[ысли]», и я просил в письме Вас о следующем: не найдете ли Вы возможным устроить их в к[акой-]н[ибудь] альманах или ч[то-]н[ибудь] в этом роде.

Простите за беспокойство.

С уважением Виктор Мозалевский.

Малая Бронная 4 кв. 15¹⁴.

¹³ РГБ. Ф. 386. Карг. 95. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об. Письмо не датировано, но среди конвертов в этой единице хранения есть один с почтовым штемпелем 18 августа 1912 г., который мы считаем принадлежащим к этому посланию.

¹⁴ Там же. Л. 3–3 об. Этому письму мы условно присваиваем конверт, проштемпелеванный 11 октября 1912 г.

Впрочем, дальнейшая литературная судьба Мозалевского несет следы аккуратного и благотворного брюсовского вмешательства, в частности, явно по рекомендации Брюсова вчерашний студент становится членом «Общества свободной эстетики»¹⁵ и даже получает приглашение прочитать свой рассказ на очередном заседании. Брюсов же, согласно воспоминаниям, познакомил Мозалевского с его первым издателем, А.М. Кожебаткиным, владельцем издательства «Альциона».

Уже утвердившись в качестве московского студента, Мозалевский вновь пишет Кузмину: к этому времени неловкость с «Михаилом Александровичем» была уже, кажется, преодолена и даже изящно обыграна адресатом, судя по ответной шутке:

М. Бронная 4 кв. 15

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Если Вас не затруднит, сообщите мне, будете ли Вы на Праздники в СПб? Я, возможно, приеду туда. Мне бы очень хотелось повидать Вас и поговорить о своих произведениях. Написал я, кроме известных Михаилу Александровичу вещей, еще: Игрушку, воспоминания Анжелики и «Эолина и Макарей». Кое-что читал В.Я. Брюсов, отзывался очень хорошо, но... «по направлению не подходит». В СПб есть издательство «Цех поэтов». Быть может, Вы, Михаил Алексеевич, знаете, что это за и[здательств]во? Словом, мне очень бы хотелось повидаться с Вами, и, конечно, не только ради судьбы моих горемычных произведений, но и для того, чтобы познакомиться с поэтом, которого так любит

Его уважающий и покорный слуга

Виктор Мозалевский¹⁶.

Чаемая поездка состоялась: впервые Мозалевский упоминается в дневнике Кузмина в записи 18 декабря 1912 г.: «Приезжала Мозалевская почему-то, думая меня похитить к мужу, но я должен был ехать к Е[вдокии] А[поллоновне Нагродской] [...]»¹⁷. Любопытно здесь не только первое появление в документированной вселенной жены Мозалевского (ее зовут Маргарита Иосифовна, она — дочь директора 1-й Тифлисской гимназии, которую некогда окончил ее муж), но и поневоле создающееся впечатление, что она познакомилась с Кузминым первой. На следующий день тот же источник фиксирует их встречу: «Вечером собрались ко мне

¹⁵ Впервые его имя появляется в печатном списке «членов-посетителей» за сезон 1913–1914 г. (см. примеч. 43 к тексту мемуаров).

¹⁶ Недатированное письмо // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2879. Л. 2–3.

¹⁷ Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомоллова и С.В. Шумихина. СПб., 2005. С. 385.

Геркен, Мозалевский и Бартенев. Геркен оказался очень милым, но не другие. [...] Потом с Герк[еном] и Мозал[евским] поехали к Альберу, где сидели в кабинете»¹⁸. Очевидно, в один из ближайших дней Мозалевские вернулись в Москву¹⁹.

В 1913 г. в издательстве «Альциона» выходит книга Мозалевского «Фантастические рассказы», объединившая все те сочинения, которые он до этого читал писателям обеих столиц: «Вивея», «Игрушка», «Эолина и Макарей», «Воспоминания Анжелики», «Чувствительная повесть» и «Май». Встречена книга была в основном отрицательно. Б.А. Садовской, чья творческая манера очевидным образом повлияла на Мозалевского, отозвался о ней неодобрительно: «В самом деле, перед читателем целый поток (166 стр.) неудержимой болтовни, странной и нелепой, местами напоминающей наших романтиков тридцатых годов, местами Кузмина, иногда гоголевские “Арабески”, но до того неискренней и нарочитой, что нельзя не досадовать на автора, заглушающего собственный голос старыми чужими словами»²⁰. Сходным было мнение коллеги-юриста и писателя П.К. Губера: «Рассказы г. Мозалевского перегружены ненужными вставными эпизодами и подробностями описательного характера, тогда как основное ядро сюжета большею частью вовсе

¹⁸ Там же.

¹⁹ Этой реконструированной хронологии отношений Мозалевского и Кузмина противоречит еще одно, традиционно недатированное письмо:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Меня в тот день так истомила Спбургская жара, и я забыл написать Вам... не знаю, как это сказать... благодарность моя Вам велика. Вы благословили мои ребяческие начинания, и я немного ободрился. Ах, все-таки горестно писать, в конце концов, без толку. Сейчас мои вещи у Валерия Яковлевича Брюсова (я написал еще «Игрушку»), но, что ждет потом, не знаю. Простите же меня: я снова напомню о себе. Глупо это, быть может, но я шлю Вам и только Вам свои стихи. Название их: моей музе мои мольбы. Лишь хочется, чтобы они Вас не рассердили.

Искренне уважающий Вас Виктор Мозалевский.

Мой адрес до Рождества: Малая Бронная 4 кв. 15. Я буду все это время в Москве, разве 20–25 сент. поеду на неделю в Киев.

Я был бы очень тронут, если бы Вы, будучи в Москве, провели минутку в моей комнате. Я думаю, она Вам чуточку понравится

(ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 277. Л. 1–2; к нему приложено стихотворение Мозалевского «Моей музе — мои мольбы», посвященное Кузмину). Рассказ «Игрушка» написан летом 1912 г., у Брюсова он, вероятно, был между концом августа и началом сентября того же года: на этот сезон указывает и упоминание жары, и планы сентябрьской поездки в Киев. Но тогда надо признать, что знакомство с Кузминым произошло летом 1912 г. в Санкт-Петербурге, не оставив иного следа ни в дневнике, ни в переписке.

²⁰ Северные записки. 1914. № 3. С. 181.

исчезает из поля зрения. Кажется, что смотришь театральную пьесу, исполняемую на фоне пестрых декораций разодетыми и нарумяненными актерами. Постановка пышная — что и говорить. Но, к несчастью, драматург забыл разработать интригу и диалог, а потому психологическая мотивация совершающихся на сцене событий остается неизвестной»²¹.

Напротив, те же черты восхитили С. Соколова (Кречетова): «С глубоким интересом прочел я “фантастические рассказы” Виктора Мозалевского. (К-во “Альциона”. М. 1913. 1 р.). Среди множества книг тусклых и тягучих, как жеваная резина, книга Мозалевского дает подлинную радость. В нашей современной изящной литературе область фантастики представлена особенно скудно, и, кроме одиноко стоящего в своем блестящем своеобразии Федора Сологуба, в ней нет ничего или почти ничего. Поэтому появление Виктора Мозалевского нельзя не приветствовать.

На нем чувствуется влияние Амедея [sic] Гофмана и (в меньшей мере) Андерсена, но эти влияния — возвышенного порядка и далеки от всякой имитации. Эта книга не из тех, которые перелистываешь бегло, чтобы, минуя рассуждения и описания, поскорее добраться до действия. Ее страницы, написанные языком изысканным, богатым и полноценным, смакуешь неторопливо, как густое, ароматное старое вино в граненом хрустале»²².

В последние дни зимы 1914 г. он вновь оказывается в Петербурге. 28 февраля Кузмин записывает в дневнике: «Был Сашенька [А.И. Божерянов] и потом Мозалевский, принес альманах»²³. Этим альманахом был первый сборник издательства «Альциона», снискавший двусмысленную славу и отбросивший ее отблески на всех своих вкладчиков: сразу по выходе книга была конфискована за шокирующий (даже по меркам привычного к изнеженности нравов 1914 года) рассказ Брюсова²⁴. В результате рассказ был изъят и истреблен, а освободившееся место заполнили стихотворениями того же автора, после чего книга поступила в продажу. Мозалевский поместил там повесть «Исчезающая мечта»²⁵, на которую откликнулся громадной — на полтора газетных

²¹ Русская мысль. 1913. № 10. С. 369.

²² Кречетов С. Одиннадцать (Критические заметки по текущей русской литературе) // Утро России. 1914. № 20, 25 янв. С. 6.

²³ Кузмин М. Дневник 1908–1915. С. 435.

²⁴ В газетной хронике писалось: «Приговором московского [...] окружного суда постановлено изъять и уничтожить из первой книги альманахов издательства “Альцион” [sic], изд. 1914 г., рассказ Валерия Брюсова под заглавием “После детского бала”» (Утро России. 1916. № 80, 20 марта. С. 5; см. также: Русские ведомости. 1916. № 66, 20 марта. С. 6).

²⁵ В автобиографии 1922 г. Мозалевский безосновательно считает объектом цензурного недовольства собственный текст: «Напечатана повесть в альманахе “Альциона”, февраль 1914 г. Альманах был конфискован, в повести нашли признаки

«подвала» — апологетической статьёй влиятельнейший критик А.А. Измайлов: «Вся повесть — образец утонченного, рафинированного искусства, той “литературы литераторов”, о которой когда-то говорил Тургенев. Мозалевский, уже заявивший себя книгой “Фантастических рассказов”, по-видимому, всего ближе примыкает к категории беллетристов-стилизаторов, в роде Кузмина, Ауслендера, Садовского, [Ю.Д.] Беляева, возлюбивших больше настоящей жизни прошлое, век париков и фижм, клавесин и бабушкиных вальсов, гусаров пушкинской поры и уланов, кутящих в Красных кабачках. [...] Печать изысканной литературности лежит на его повести, как лежала прежде на его “Фантастических рассказах”. Он много читал и хорошо запомнил, что прочитал»²⁶. Вероятно, понравилась повесть и Кузмину, который в своем докладе о современной русской прозе, прочитанном в «Бродячей собаке» 13 апреля 1914 г., цитировал ее фрагменты²⁷. Месяц спустя он сам сообщил об этом автору:

Многоуважаемый Виктор Иванович,
спасибо за письмо. Я читал из «Альционы» и всем очень понравилось. Я очень рад, что с Вас сняли всякие «статьи закона»²⁸. Я уже давно живу в Павловске (Садовая 35, тел. 174), но писать можно и на город. На днях вышло Вам книжку.

Хотел бы попросить Вас об одной услуге. Напишите мне, вернулся ли из Нижнего Александр Мелетьевич, в Москве ли он и что «Безумцы», потому что от него конечно никакого толку не добьешься.

преступлений — богохульства, оскорбления армии и чуть ли не порнографии) (Мозалевский В. Обман и др. Берлин, 1923. С. 7). Материалы цензурного дела (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907) это не подтверждают.

²⁶ Биржевые ведомости. 1914. № 14093, 10 апр. С. 2–3. Вероятно, Мозалевский поблагодарил его за отзыв; тот отвечал:

Искренноуважаемый собрат,

Благодарю Вас за отклик. В огромном большинстве отклики, получаемые человеком, который пишет о книгах, совсем другого свойства. Впрочем, я лично всегда слишком ясно сознаю субъективность своего мнения, ни для кого другого не обязательного, и не очень огорчаюсь отсутствием единомыслия. Но наличие единомыслия всегда приятно.

Приятно и то, что Вы, по-видимому, так серьезно и честно смотрите на свой литературный труд, как теперь немногие, в особенности из молодых. Это так редко, что иногда просто думаешь, — да стоит ли, в самом деле, смотреть на это и самому так серьезно?

(письмо от 28 мая — вероятно, 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.).

²⁷ Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М., 1985. С. 233.

²⁸ Подразумевается отзыв цензурных претензий к альманаху.

Пока — всего хорошего.

Ваш М. Кузмин
23 мая 1914²⁹

Несколько месяцев спустя Мозалевский был призван в действующую армию, где провел с небольшими перерывами почти четыре года. Летом 1917 г., незадолго до мобилизации, он отправил письмо Брюсову — мгновенный снимок его умонастроения этих лет:

8 августа 1917 г.

Действ[ующая] Армия. Румыния.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Вас удивит мое послание, мои слова, быть может, неуместно искренние и сказанные слишком не вовремя. Судьба предопределила, чтобы я через четыре года снова заговорил языком милого провинциала, просящего мнения [?] о своих пьесах. Кстати, я помню Вас летом 1913 года, Вы куда-то ехали, строго веселый, Вы рвали беспощадно какие-то письма, строки какого-то поэта «поцеловав твой мех соболий, коснусь коленами колен»³⁰ жалобно прозвучали в Вашей столовой, о, как не хотелось бы мне, чтобы это письмо постигла та же участь. Я отстал от жизни и одичал, меж тем не уставая писать, и, верю, мое творчество не стало банальнее, не поглупело, не офальшивилось. Я помнил Ваши строгие слова о стиле «Вивеи» и как будто чеканил стиль. Я написал много, писал упрямо, забывая о войне, о д[ействующей] армии. Но разве мы пишем для себя, мы, глупые поручики в наших глупых землянках, мы, кажется, тщеславны, и мое сердце сжимается от боли, что сейчас в литературе имя Виктор Мозалевский умерло почти не родившись, сверкнув детским неумышленным [sic] сиянием в померкнувшей «Альционе» (здесь я извиняюсь, что утруждаю внимание).

Не знаю, что именно влечет меня написать это Вам. Но я не Эли Древе, которому поэмы Марка Антуана Кердрана, мнившиеся вначале великолепными, вдруг после стали плохи и не забавны³¹, и Вы были, есть и будете мой maître, и если не учитель, то первый, кто сказал мне, что я не навоз, не Брешко³² и не... простите, пишу слишком глупо. За это время я написал: «Пантеистичную Полину», «Милую елку»,

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1. «Безумцы» — книга Кузмина «Венецианские безумцы», готовившаяся к печати Александром Мелетьевичем Кожебаткиным (о котором см. далее в мемуарах).

³⁰ Текст этот нам неизвестен.

³¹ Сюжет из романа Анри де Ренье «Первая страсть»; выходил в переводе священицы Брюсова Б.М. Рунт с предисловием Брюсова.

³² Мозалевский упоминает имя журналиста и писателя Николая Николаевича Брешко-Брешковского (1874–1943) как символ несправедного литературного успеха.

«Дженни», «Любовники Химер», «Записки Вадима Мозовецкого» etc, фолианты, пожалуй, и все это умерло, как жук, я барахтаюсь в исписанных лепестках, и умираю от тоски не видать все это в печати. Милое желание! Но когда я читаю книгу, чувствую запах типографской краски, черные буквы застывают в глазах, и невзрастенический поручик Мозалевский говорит: не мои, не мои... Я не знаю, что модно и не модно, кого читают, на кого смотрят завистливым взглядом, надо ли говорить о культе Диониса или об облаках в штанах³³, я — последний могикан, негодный тряпичник литературы и хочу умереть неопозоренным эстетом *pur sang*³⁴. Флобер, Бальзак, Стендаль, я окружил себя ими, их книги целые события в моей жизни, большие, быть может, чем события 1-го марта³⁵, а рука все пишет, и падают лепестки «Пантеистич[ой] Полины», «Елки» и т.д. беззвучно без смысла, и будто все умерло вокруг. Я старею, дни становятся все меньше для моей жизни. И мне думается, что Вы не будете так жестоки со мною, как с бедным поэтом с Востока, к[ото]рый говорил о «собольем мехе». Я шлю Вам рассказ «Бертольдины». Я прошу Вас, как маленький никчемный брат, киньте его на белые страницы какого угодно журнала, но так больно сознавать, что ты умер, загдох, не расцветя даже чертополохом. Это не жажда славы, какая там слава на фоне афишных стихов и полной протрации, вакханалии пошлости и потных рубаш. Верлэн перед смертью водил золотой кисточкой по глупым буржуазным вещам своей комнаты, а я не хочу умирать, но умру, если не услышу запаха моей типографской краски.

Прощайте, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, и не думайте обо мне плохо. Целую руки Жанне Матвеевне.

С искренним уважением всегда преданный Виктор Мозалевский.
Д[ействующая] армия 270-ый Гатчинский Полк³⁶.

Парадоксальным образом, прожив почти всю свою сознательную жизнь в Москве, он остался полностью петербургским писателем по манерам, поэтике и литературным знакомствам: даже в редкие отлучки с фронта он едет именно в Петроград и обретает там то, чего болезненно вожделеет, — публикации, аудиторию и признание. В 1915 г. в журнале «Лукоморье» печатается его рассказ «Сверхженщина» (в героине которого мы, кажется, без труда опознаем Палладу Богданову-Бельскую³⁷); следом он покидает

³³ Вряд ли требуют комментария очевидные намеки на Вяч. Иванова и В.В. Маяковского.

³⁴ Чистокровным (*фр.*).

³⁵ Т.е. события Февральской революции.

³⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 95. Ед. хр. 19. Л. 5–7 об.

³⁷ Лукоморье. 1915. № 27, 4 июля. С. 12–14.

этот журнал — не без скандала, но в приятной компании: письмо в редакцию с объявлением разрыва подписано им совместно с Ауслендером, Кузминым, Сологубом, Георгием Ивановым, М. Долиновым, Садовским и Слезкиным³⁸. С четырьмя последними Мозалевский будет встречаться в литературном кружке «Медный всадник», организованном в Петрограде в 1916 г.³⁹ Неудивительно, что, демобилизовавшись и вернувшись в Москву в конце 1917 или начале 1918 г., он оказывается в социальном и литературном вакууме. Изоляцию первого рода он — обладатель юридического образования, лояльный к советской власти — преодолевает без труда, устроившись юрисконсультom в Военно-строительное управление Красной армии. С остальным сложнее, и первое явственное предложение о писательском союзничестве приходит к нему из Петрограда:

Дорогой Виктор Иванович,

Во-первых — с праздником! Поздравляю сердечно Вас, жену Вашу, Ниночку⁴⁰ и няню. А во-вторых — с радостью, и даже двойной. Первая лучше всяких слов ясна Вам из прилагаемого мною письма Вашего брата. Вторая в следующем:

Мы издаем тут журнал «Петербург» раз в две недели (будет ежемесячным). Я — постоянная сотрудница; редактор — чудесный и умный филолог В. Шкловский. Издатель — денежный. Марка — «Алконоста» (лучшего издательства в П.). Ваше участие было бы очень ценно, но я не знаю, есть ли у Вас подходящие рассказы (нужны короткие (1/2 листа, не больше) и современные). Выберите, что сможете и пришлите. За рассказ плата 500–700 тысяч. За статьи кажется 150–200–250 т. Очень нужна статья о Москве ругательная. Гоненье на Москву — халтурницу [sic] и хулиганку. Чудесно было бы, если б написали. Журнал: задорный, боевой, веселый, талантливый, очень занимательный, но хорошей марки и von ton'a. Итак пишите и присылайте, а еще лучше приезжайте дня на 2, чтоб лично оглядеться и пристроить вещи. Издательства здесь есть. Издатели платят. Но т.к. у нас жизнь на 1/3 дешевле московской, то и цены у нас значительно ниже.

До свиданья, всего доброго всем вам. Не хандрите, не бросайте литературу, не валяйтесь без дела, не треплите себя по ненужным делам, — пишите. Вы год назад иронически писали обо мне, что я «в экстазе» (или как?). Я и теперь всё та же и также. Жизнь ничуть не плоха, а трудности — только напруживают волю к ней.

Ваша М. Шагинян⁴¹.

Из этого плана ничего не вышло — журнал «Петроград» прекратился на втором номере, но сама идея бегства из Москвы должна была всерьез занять

³⁸ День. 1915. № 299, 30 окт. С. 3.

³⁹ Подробнее о «Медном всаднике» см. в комментариях к соответствующей главе мемуаров.

⁴⁰ Нина Викторовна Мозалевская (1913–1990) — в будущем художница.

⁴¹ Письмо от 20 декабря 1921 г. // РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2–2 об.

его воображение. Могли его подталкивать и семейные обстоятельства: брат, художник Иван Иванович Мозалевский (по прозвищу Мозоль⁴²), в 1920 г. эмигрировал в Австрию, после чего перебрался в Берлин, где работал в местном отделении советского Госиздата и частных книжных предприятиях. По некоторым данным, в 1921 г. последовать его примеру собирался и Виктор Иванович⁴³, но план этот не воплотился. Два года спустя, заканчивая предисловие ко второму сборнику рассказов «Обман и др.» (вероятно, с помощью брата переправленному в берлинское издательство Е.А. Гутнова), Мозалевский пишет: «Что же сказать еще? Я люблю Россию, как она есть, верю в нее, жить могу только в ней и только ее жизнью. По профессии основной я юрист. Работаю в *** по своей специальности, работаю с любовью и, конечно, крикну всякому, кто говорит, что это де — *jus asiaticum, nefas*⁴⁴: неправда!»⁴⁵

Убедительность этой спонтанной присяги подверглась в ближайшие годы суровому испытанию: в 1927 г. было разгромлено общество «Зеленая лампа», в деятельности которого Мозалевский принимал живое участие⁴⁶; за несколько лет до этого сошла на нет работа литературного кружка, группирующегося вокруг машинописного журнала «Гермес»⁴⁷. В том же 1927 г. Мозалевский обращается с письмом к В.Г. Лидину:

⁴² Ср., напр., реплику И. Билибина: «Мозалевский ничего себе парень, но, как говорят в Одессе, “чтобы да, так нет”, и, во всяком случае, не проstack (это Вы не раскусили), а хитрюга основательная и не слишком искренний, прикидывается. Мы с Нарбутом знали его хорошо. Нарбут называл его: Мозоль. Конечно, он не дурной человек, и я буду рад его увидеть» (И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925: Письма, документы и материалы. М., 2009. С. 156).

⁴³ *Лавров А.В.* Мозалевский Виктор Иванович. С. 119.

⁴⁴ Азиатское право, беззаконие (*лат.*).

⁴⁵ *Мозалевский В.* Обман и др. С. 8.

⁴⁶ См. об этом комментарии к соответствующей главе воспоминаний.

⁴⁷ Мозалевский кратко упоминается в основополагающей статье: *Чудакова М.О., Устинов А.Б., Левинтон Г.А.* Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 188; подробнее см.: *Горнунг Л.* «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / подгот. текста, предисл., коммент. Т. Нешумовой. М., 2019 (ук.). См. также смутное упоминание об организованном П.Н. Зайцевым кружке «писателей-фантазеров», куда, помимо Мозалевского, входили Булгаков, С.С. Заяицкий, М.Я. Козырев и Л.М. Леонов (*Зайцев П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак. М., 2008. С. 272–275). Сложившейся картине противоречит впечатление М. Горнунга, основанное на семейном предании (он состоял с Мозалевским в родстве): «У Мозалевского в те годы [начало 1920-х] собирались шумные компании поэтов и писателей. За одним столом сидели и те, кто, как и хозяин дома, еще до первой мировой войны вошел в литературу, и те, совсем молодые, кто еще только мечтал увидеть напечатанными плоды своего творчества» (*Горнунг М.* Зарницы памяти. М., 2013. С. 18–19).

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Просьба, с которой я смею к Вам обратиться, обычно ставит просимого в положение неловкости: он не знает, как отнестись к ней — с сожалением, с насмешкой, холодно, безразлично.

Но мне почему-то верится, что Вы-то откликнитесь на нее не так. Вот моя просьба.

Я писатель или был таковым в *plus que parfait*⁴⁸. За эти годы написал я фолианты. Но всюду и везде, в местах, откуда кидают наши горения в ротатор или корзину, я получал мягкое ласковое: нет.

Как лондоновский Мартин Идэн, был я упорен. Годами околачивал я пороги редакций журналов, издательств. Тщета! И у меня вдруг в сознании: да, не бездарен ли я и впрямь? И вместе с ним в этом сознании: нет, не верю.

И вот о чем прошу я Вас (пусть не будет это Вам страшно). Если Вы мне позволите я пришлю Вам для прочтения (или сам прочту) 2–3 из моих рассказов. Читайте их месяц, год, и скажите мне откровенно: стоит ли мне пепелеть?

Мне кажется, что Вы меня поймете, человек — добрый, чуткий и не утерявший столь редкого сейчас качества — писательского доброжелательства.

Мой адрес: Красная Площ., 2 дом РВС СССР, Юрисконсульту Воен[но-Стр[оительного] Упр[авления] В.И. Мозалевскому. Тел. (служ.) — 19770. Доб. 18.

Простите за беспокойство.

С искренним уважением Виктор Мозалевский⁴⁹.

Получив от Лидина ответ (вероятно, обнадеживающий), Мозалевский в конце декабря отправляет ему рукописи — и переписка обрывается на тридцать лет. Еще одну попытку вернуться в литературу он предпринимает год спустя, написав Е.Ф. Никитиной, главе и вдохновительнице последнего вольного литературного общества, но и здесь терпит неудачу⁵⁰. Единственным его знакомым, связанным с официальной советской писательской жизнью, оставался И.А. Новиков, спорадическая переписка с которым затухла только в 1940-е⁵¹.

Последнее усилие этого рода было сделано им только в 1956 г. при помощи того же Лидина:

⁴⁸ Предпрошедшем времени (фр.).

⁴⁹ Письмо от 24 ноября 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 1–2 об.

⁵⁰ Глубокоуважаемая Евдоксия Федоровна!

В апреле с/г я передал Вам свои рукописи.

Если они не подошли для «Н[икитинских] С[уботников]», не откажите в любезности возвратить рукописи подательнице этого письма, моей дочери.

С уважением В. Мозалевский

(письмо от 2 октября 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 1).

⁵¹ Письма Мозалевского к Новикову сохранились в архиве последнего (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 762).

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Прошу извинить меня за беспокойство.

Много лет назад Вы относились ко мне хорошо, приветливо, человечно.

Пишет Вам Виктор Иванович Мозалевский, которого Вы могли бы и не помнить

От литературы отошел я давно по той, главным образом, причине, что своего почерка (если он у меня есть) я не менял, а почерк был «не тот».

У меня немалое «прижизненное» наследство, но... я не умер, а почти полвека и почти безвылазно в Москве, служа во всяких учреждениях, с 1.Х — пенсионер.

В чем же моя просьба?

Жалко как-то, что все написанное обречено исчезнуть втуне. А, может быть, кое-что можно было бы и напечатать. Но я, право, не знаю, с чего начать, к кому обратиться за консультацией, т.е. стоит ли мне ч.н. предпринимать?

Я не смею просить Вас прочесть что-нибудь из моих *oeuvres*⁵². Но, может быть, Вы скажете мне, к кому обратиться, разумеется, к человеку умному, отзывчивому и сведущему.

Быть может, Вы нашли бы возможным уделить мне несколько минут и услышать меня где-нибудь в Союзе Писателей или в ином месте.

Телефона у меня нет (дом.), а с 1.Х я уже не служу.

Еще раз прошу прощения за беспокойство.

С искренним уважением

В. Мозалевский

Москва Г117

Плющиха, д. № 35 кв. 3⁵³.

К письму прилагалась краткая библиография напечатанного (увенчанная переводами нескольких рассказов Мопассана, вышедшими в госиздатовских сборниках 1946 и 1951 гг.) и значительный реестр неизданного: рассказы, две поэмы, сборник стихов и литературные мемуары⁵⁴. Как представляется, именно последний пункт оказался адресату наиболее перспективным: по крайней мере, уже в ближайшем

⁵² Сочинений (*ŷpr.*).

⁵³ Письмо от 7 октября 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 4–5.

⁵⁴ Единственное известное нам стороннее свидетельство о работе над ними принадлежит Б. Горнунгу: «Побочным толчком к тому, что я стал писать в 1948 году, было то, что в это же время Ю.Н. Верховский начал писать (вернее, диктовать) свои воспоминания о смоленской гимназии, о петербургском университете 90-х годов и о своем общении с А.Н. Веселовским. Тогда же начал писать воспоминания о литературно-богемной Москве 1911–1914 годов В.И. Мозалевский» (*Горнунг Б. Поход времени. Кн. 2: Статьи и эссе. М., 2001. С. 316*).

письме, обсуждая первые практические шаги к собственной легализации (заявление в Литфонд, обращение в «Литературную Москву»), Мозалевский особенно останавливается на работе над этим текстом: «Сейчас я занят подготовкой к машинке своих воспоминаний, в декабре, думаю, приготовлю и тогда, если позволите, позвоню Вам п/телеф.»⁵⁵. Впрочем, несмотря на оптимистические ауспиции, в последующие годы напечатать из портфеля рукописей не удалось ничего — за исключением маленькой литературоведческой работы⁵⁶. Но в любом случае череда предпринятых мер к возобновлению писательского статуса дала свои плоды, хотя и не вполне такие, как ожидалось:

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

Я получил от Ц. Г. А. Л. И. письмо-предложение приобрести рукопись моих воспоминаний.

Приношу Вам самую глубокую благодарность за заботы о моих «Тропинках». Разумеется, согласие я даю. Что же касается моих попыток к возвращению в литературу, то я пока что не очень пытался.

И, говоря в плане юмористическом: «Да вознесет Вас Господь Бог в свое время» (надпись на медали в память Русско-Японской войны 1904–1905 гг.). Иначе сказать, — не время и «е.б.ж.» («если буду жив») — успею.

Еще раз благодарю Вас за всё, Вы у меня, не шутя, единственный...⁵⁷

Появившийся в результате этой негоции маленький фонд Мозалевского в РГАЛИ насчитывает всего 23 единицы хранения, наиболее существенная по значению среди которых — печатаемые ниже мемуары. Минимальную известность они приобрели благодаря случайному гостю: в описании «Зеленой лампы» несколько строк посвящены М.А. Булгакову⁵⁸. Мы печатаем их текст полностью, в авторской редакции, по машинописи с правкой: РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 19. Общеизвестные имена и события не комментируются. Пользуемся случаем поблагодарить за помощь В.Я. Мордерер, В.В. Нехотина, П.Е. Поберезкину, Н.Н. Соболеву и Р.Д. Тименчика.

⁵⁵ Письмо от 12 ноября 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 8.

⁵⁶ Французский писатель о Тургеневе. Воспоминания Жюль Кларти / Публ. В.И. Мозалевского // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 483–488.

⁵⁷ Письмо от 10 октября 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 9–9 об.

⁵⁸ Это упоминание учтено в прославленной монографии: *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 191–195, 218–221.